

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

В.В. Успенский

**Письмо в редакцию
и ответ на него**

Опубликовано:

Христианское чтение. 1905. № 1. С. 142-147 .

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Письмо въ редакцію и отвѣтъ на него.

По поводу статьи В. В. Успенскаго—«Вопросъ о догматическомъ развитіи на Петербургскихъ Религіозно-Философскихъ Собраніяхъ», — напечатанной въ ноябрьской и декабрьской книжкахъ «Христіанскаго Чтенія» за 1904 годъ, однимъ изъ участниковъ этихъ Собраній прислано слѣдующее «поясненіе» *):

Г. Василию Успенскому угодно было упомянуть о моихъ словахъ при разсужденіяхъ участниковъ религіозно-философскихъ собраній „о догматическомъ развитіи“—въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „С. Г. Рункевичъ, который выступилъ съ рѣчью тотчасъ же послѣ доклада объ адогматизмѣ, говоритъ, что докладъ произвелъ *на него* „чарующее впечатлѣніе“ и что говоритъ послѣ В. В. Розанова *для него* „рискованно“, потому что „рѣчь можетъ показаться бѣдною невѣстой послѣ роскошныхъ брилліантовъ Травіаты“. Въ этихъ словахъ, конечно, ораторское преувеличеніе. Но нельзя не вѣрить искренности С. Г. Рункевича. *Онъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду серьезность*, съ какой В. В. Розановъ ставитъ вопросы“.... (Хр. Чт., дек., стр. 784).

Благодарю г. Успенскаго за довѣріе къ моей искренности, но не могу не освободить своей рѣчи отъ искаженія въ странномъ освѣщеніи ся г. Успенскимъ.

---

*) Считаю долгомъ здѣсь вспомнить, что эта весьма интересная по предмету статья В. В. Успенскаго написана съ образцовой деликатностію, оцѣнить которую легко для всякаго внимательнаго читателя.

Сущность дѣла такова.

Докладъ В. В. Розанова, представлявшій собою цѣлый фейерверкъ блестковъ несомнѣннаго остроумія, ктому же превосходно прочитанный, сколько помнится, Д. С. Мережковскимъ, настолько наэлектризовалъ присутствовавшую на собраніи публику, что въ теченіе всего, послѣдовавшаго за докладомъ, перерыва только и слышались восклицанія и замѣчанія по поводу доклада. Начиная, послѣ перерыва, свои возраженія, я счелъ необходимымъ призвать слушателей отъ увлеченія блескомъ слова къ трезвости мысли. Этотъ свой призывъ я и выразилъ приблизительно (мои слова записаны были позднѣе) такъ, какъ напечатано въ запискахъ религиозно-философскихъ собраній („Нов. Путь“, 1903 г., ноябрь, Записки—стр. 463 и слѣд.), т. е., что послѣ „*блестящаго фейерверка*“ доклада г. Розанова (вовсе не лично *мнѣ*, какъ почему-то прибавляетъ г. Успенскій, а вообще) „рискованно“ (разумѣется предъ наэлектризованной предшествовавшимъ докладомъ публикой) „выступать съ рѣчью“ (не рассчитанною на то, чтобы ошеломить слушателей красивыми фразами), „и моя рѣчь (поэтому) можетъ показаться бѣдною невѣстой послѣ роскошныхъ брилліантовъ Травіаты“. Дѣлая такое сопоставленіе, я не допускалъ мысли, что кто нибудь изъ участниковъ *религиозно-философскихъ* собраній можетъ отдать предпочтеніе „роскошнымъ брилліантамъ Травіаты“ передъ „Бѣдною Невѣстой“, какъ это, оказывается, случилось съ г. Василиемъ Успенскимъ. Моя фраза, такимъ образомъ, не утверждала, а наоборотъ—отрицала серьезность доклада В. В. Розанова (что же можетъ быть серьезнаго въ фейерверкѣ?), и, кромѣ того, заключала въ себѣ нѣкоторый укоръ слушателямъ, очарованнымъ фейерверочною рѣчью. Достойный о. іеромонахъ Михаилъ, своею рѣчью начавшій слѣдующее религиозно-философское собраніе, бывшее черезъ двѣ недѣли, совершенно правильно вспомнилъ мою фразу о брилліантахъ Травіаты въ смыслѣ жестокаго осужденія доклада г. Розанова. О. Михаилъ сказалъ: „одинъ изъ собесѣдниковъ сравнилъ *погремушки краснотѣчія* Розанова съ брилліантами Травіаты. *И я думаю, что это есть проституированіе истины*“ (Нов. Путь, 1903 г., дек., Зап.—стр. 475).—При этомъ о. Михаилъ счелъ нужнымъ предварительно извиниться, что быть можетъ онъ, болѣя душою за „малыхъ сихъ“, бывшихъ въ собраніи, позволяетъ себѣ говорить „не всегда хорошо въ

смыслъ тона“. Я же съ своей стороны признавалъ аудиторію религіозно-философскихъ собраній достаточно развитою, чтобы была необходимость прибѣгать къ рѣзкостямъ въ выраженіяхъ.

Позволяю себѣ печатно высказать надежду, что г. Успенскій въ оттискахъ своихъ статей, если таковыя будутъ въ обращеніи, исправить допущенную имъ неточность въ изложеніи моей рѣчи, извращающую смыслъ моихъ словъ до противоположности.

Затѣмъ, позволю себѣ указать еще на одну неточность, допущенную въ отношеніи ко мнѣ г. Успенскимъ. Г. Успенскій выражается, будто я въ своихъ возраженіяхъ г. Розанову на его докладъ объ адогматизмѣ говорилъ то же, что сказано было генер. Кирѣевымъ („въ этомъ—тема предложенной С. Г. Рункевичемъ притчи и смыслъ двухъ его докладовъ“.—Хр. Чт., стр. 781). Но я говорилъ въ XVIII и XIX собраніяхъ, а ген. Кирѣевъ въ XXI или XXII, во всякомъ случаѣ не ранѣе XX-го. Рѣшительно не понимаю, какимъ образомъ я могъ за мѣсяць впередъ говорить то же, что сказалъ ген. Кирѣевъ мѣсяцемъ позднѣе!

4 дек. 1904.

С. Рункевичъ.

На это письмо В. В. Успенскимъ присланъ въ редакцію слѣдующій отвѣтъ:

Г. Рункевичъ ставитъ мнѣ на видъ „странное освѣщеніе“ его рѣчей, явившееся результатомъ двухъ допущенныхъ въ моемъ изложеніи „неточностей“.

Первая „неточность“—это мое осторожное предположеніе, что г. Рункевичъ *принимаетъ* „серіозность, съ какой В. В. Розановъ ставитъ вопросы“. Теперь изъ „поясненія“ г. Рункевича можно видѣть, что онъ напротивъ „отрицалъ“ эту серіозность. Аудиторія Религіозно-Философскихъ Собраній была „наэлектризована“ докладомъ В. В. Розанова, и во время перерыва „только и слышались восклицанія и замѣчанія по поводу доклада“. Одинъ г. Рункевичъ остался чуждъ „увлеченію блескомъ слова“ и „призвалъ“ слушателей „къ трезвости мысли“.

Въ засѣданіяхъ Религіозно-Философскихъ Собраній, посвященныхъ вопросу о догматическомъ развитіи, принимали участіе епископы Сергій, Антоній, Иннокентій, профессора

высшихъ учебныхъ заведеній и академики, литераторы и художники, люди утонченнаго образованія и изысканнаго вкуса. Если вся эта „публика“,—какъ называется г. Рункевичъ присутствовавшихъ на Собраніяхъ, — была „наэлектризована“ докладомъ В. В. Розанова, то очевидно здѣсь подѣйствовалъ никакъ не „фейерверкъ блестковъ“ хотя бы и „несомнѣннаго краснорѣчія“, а что-то болѣе глубокое и серьезное. Я не понимаю, какое имѣеть право г. Рункевичъ третировать членовъ Религіозно-Философскихъ Собраній? О краснорѣчій В. В. Розанова никто, кромѣ г. Рункевича, не говорилъ въ Собраніяхъ. Епископъ Антонинъ и другіе ораторы старались выяснитъ „относительную правду“ темы и содержанія доклада объ адогматизмѣ. Это сдѣлалъ и я въ третьемъ отдѣлѣ своей статьи, гдѣ вполне опредѣленно раскрылъ свою точку зрѣнія на статьи В. В. Розанова по религіознымъ вопросамъ, такъ что г. Рункевичъ совершенно напрасно торопится *доложить* о моемъ „предпочтеніи“ „роскошныхъ брилліантовъ Травіаты предъ Бѣдною Невѣстой“.

Въ „поясненіи“ г. Рункевичу „угодно было“ выдѣлнить себя изъ состава блестящей, въ сущности, несравненной аудиторіи и остаться въ своемъ исключительномъ нарядѣ „притчи о стѣнѣ и лицахъ благополучныхъ“ безъ всякихъ прикрытій. Что же? Я не буду протестовать. Только пусть г. Рункевичъ предъявляетъ претензіи не ко мнѣ, а къ редактору „Новаго Пути“, который почему-то передалъ содержаніе его рѣчей лишь „приблизительно“. Меня лично нисколько не интересуеетъ не высказанное дѣйствительное мнѣніе г. Рункевича по вопросу о догматическомъ развитіи. Я считался съ тѣмъ, что „напечатано въ запискахъ Религіозно-Философскихъ Собраній“ и это напечатанное передалъ,—продолжаю такъ думать и послѣ „поясненія“ г. Рункевича,—безъ всякихъ „неточностей“.

Я не буду приводить выдержекъ изъ „напечатанныхъ“ рѣчей г. Рункевича для подтвержденія своего „освѣщенія“, потому что искренно долженъ признаться, что не вижу въ нихъ „откровенія“ и не считаю настолько значительными, чтобы комментировать каждое слово. Весь этотъ инцидентъ, въ сущности, очень ничтожный, и, если я заговорилъ о немъ, то, главнымъ образомъ, потому, что мнѣ хотѣлось сказать нѣсколько словъ по поводу того „отрицанія серьезности“, которое г. Рункевичъ ставитъ себѣ въ заслугу и на которое

пытается обратить вниманіе читателей „Христ. Чтенія“ въ своемъ „поясненіи“.

Удивительна эта легкость, съ какой г. Рункевичъ „отрицаетъ“. Неспособность г. Розанова быть серіознымъ даже при *постановкѣ* религіозныхъ вопросовъ онъ предполагаетъ какъ что-то самопонятное. Онъ удостоилъ по этому поводу бросить всего нѣсколько словъ, и то въ скобкахъ. Напрасно, значить, академическіе профессора В. И. Несмѣловъ, А. И. Введенскій, М. М. Тарѣевъ борются въ своихъ статьяхъ съ страннымъ самомиѣніемъ. „Мы“ по прежнему продолжаемъ думать, что въ банальныхъ фразахъ изъ старыхъ и новыхъ „богословскихъ“ и „философскихъ“ учебниковъ глубже разгаданы загадки жизни и полнѣе исчерпана дѣйствительность, чѣмъ въ сочиненіяхъ Гёте и Канта, Платона и греческихъ трагиковъ, чѣмъ въ произведеніяхъ Рафаэля, Бэтховена и всѣхъ вообще носителей высшихъ культурныхъ идей и настроеній. Св. Іустинъ Философъ не боялся сказать про Платона, что онъ „одинъ изъ грековъ какъ бы былъ на небѣ и видѣлъ то, что тамъ совершается“. Почему же свѣтскіе мыслители нашего времени, опирающіеся на этого Платона и на другія вершины человѣческой культуры и умудренные, кромѣ того, тысячелѣтнимъ опытомъ жизни въ христіанской религіи,—почему они неспособны „серіозно“ даже поставить вопросы, заложенные въ глубинахъ живой человѣческой совѣсти? Почему неспособенъ сдѣлать это въ частности г. Розановъ, и почему его неспособность предполагается какъ что-то самопонятное? Я началъ читать статьи В. В. Розанова по религіознымъ вопросамъ еще пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, читалъ иногда съ увлеченіемъ, иногда съ негодованіемъ и отвращеніемъ. Но я никогда не могъ не отдавать должнаго его умѣнью (не рѣшать, а) ставить вопросы: брать ихъ самую сердцевину, обнажать всѣ ихъ скрытые изгибы и излагать такъ, что вы чувствуете ихъ неизбежность для человѣческой совѣсти, ихъ, такъ сказать, органичность. Мнѣ кажется, это талантъ, данный г. Розанову Богомъ, и было бы преступленіемъ, если бы онъ зарылъ его въ землю. Конечно, В. В. Розановъ очень часто нетерпимъ и говоритъ много несправедливаго и ненужнаго. Но я уже касался въ своей статьѣ того, почему не слѣдуетъ, по моему миѣнію, обращать вниманіе на отдѣльныя слова г. Розанова.

Въ заключеніи своего „поясненія“ г. Рункевичъ выра-

жаеть „рѣшительное непониманіе, какимъ образомъ онъ могъ за мѣсяць впередъ говорить то же самое, что сказалъ генераль Кирѣевъ мѣсяцемъ позднѣе“,—какъ я представилъ дѣло въ своемъ „странномъ освѣщеніи“ рѣчей г. Рункевича. Но что же въ томъ удивительнаго? И чего собственно „рѣшительно не понимаетъ“ г. Рункевичъ? Я, напримѣръ, убѣжденъ, что не чрезъ мѣсяць, а чрезъ десять лѣтъ встрѣчу гдѣ-нибудь тѣ самыя мысли, которыя изложены въ „притчѣ о стѣнѣ и лицахъ благополучныхъ“, причемъ авторы несомнѣнно не будутъ зависѣть отъ г. Рункевича, а дойдутъ (!) до этихъ мыслей собственными усиліями.

Замѣчу еще г. Рункевичу, что въ своей статьѣ при изложеніи преній я держался не хронологическаго, а генетическаго порядка, слѣдя за смѣной и постановкой вопросовъ, которые возникали въ Собраніяхъ, а не за тѣмъ, кто говорилъ раньше, кто позднѣе. Въ частности я раньше остановился на статьяхъ А. А. Кирѣева, потому что, по моему убѣжденію, онъ излагаетъ свои мысли болѣе ярко и сильно, чѣмъ г. Рункевичъ. Къ тому же онъ написаны вполне достойнымъ и серьезнымъ языкомъ; въ нихъ нѣтъ ни двусмысленныхъ сравненій, ни неудачныхъ поддѣлокъ подъ дѣтскую рѣчь.

Василій Успенскій.

Декабрь, 1904.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки